

На этой неделе классного часа не было, и Юй Цинтан заняла последний урок самоподготовки в четверг, чтобы рассказать ученикам о предстоящих мероприятиях, подчеркнуть время открытия спартакиады на следующий день, обязательное ношение школьной формы и прочие детали. Школа не обязывает всех присутствовать, но по возможности ученики должны прийти, ведь это первая школьная спартакиада, спортсмены усердно репетировали на стадионе, даже разучили танец, и одноклассники должны поддержать их как зрители.

Юй Цинтан, читая последний пункт из своего блокнота, оставшиеся десять минут решила не тратить на учебу. Вечерняя самоподготовка была отменена, и ученики, вероятно, уже не смогут сосредоточиться, поэтому она решила отпустить их пораньше.

— Будьте осторожны на дороге домой, не бегайте и не шумите на улице. На сегодня уроки закончены, мы...

Тун Фэйфэй подняла руку, прервав ее:

— Учитель Юй!

Юй Цинтан посмотрела на нее.

Тун Фэйфэй:

— Учитель Чэн вернулась?

Юй Цинтан ответила:

— Она мне не говорила.

В классе раздался шум передвигаемых стульев, ученики, опуская головы на парты, вздыхали.

Юй Цинтан удивилась, почему Чэн Чжаньси, которая преподавала им всего несколько недель, меньше месяца, завоевала такую любовь учеников. Спартакиада превратилась в нечто вроде школьного концерта для родителей.

Юй Цинтан:

— Что она вам сказала раньше?

Тун Фэйфэй с грустным лицом ответила:

— Она сказала, что постарается, но если не успеет вернуться вовремя, чтобы мы старались выиграть медали.

Юй Цинтан кивнула:

— Учитель Чэн права.

Тун Фэйфэй вдруг оживилась и сказала:

— Учитель Юй, можете сейчас позвонить учителю Чэн? Спросите, когда она вернется.

Она вздохнула:

— Хоть бы что-то определенное узнать.

Юй Цинтан:

— ...

Тун Фэйфэй прикусила нижнюю губу, с мольбой глядя на нее.

— Пожалуйста.

Эта сцена напомнила Юй Цинтан момент, когда Чэн Чжаньси в галерее просила ее встретиться с Чэн Мо. Она слегка покачала головой, чтобы избавиться от этого воспоминания, и сказала:

— Я могу позвонить, но не гарантирую, что она ответит. Учитель Чэн сейчас очень занята.

— Чем она занята? — вырвалось у Тун Фэйфэй.

Юй Цинтан бросила на нее взгляд, полный предупреждения.

— Своими личными делами.

Тун Фэйфэй опустила лицо на руки, притворившись мертвой.

Под пристальным взглядом всего класса Юй Цинтан вдруг почувствовала себя неловко. Звонить преподавателю было обычным делом, но этот преподаватель больше не был прежним. Это был художник, которого она искренне восхищалась и боялась.

Хотя, если говорить о самой Чэн Чжаньси, она бы только посмеялась над этой мыслью.

Сложные и тонкие чувства, а также едва уловимое ожидание переполняли Юй Цинтан, когда она набрала номер Чэн Чжаньси.

Гудок — гудок —

После двух гудков на том конце ответили, вежливо, но без эмоций:

— Алло.

Юй Цинтан:

— ???

Она посмотрела на телефон, убедившись, что это номер Чэн Чжаньси, и ответила:

— ...Алло.

Голос Чэн Чжаньси сразу же смягчился:

— Извини, я только что не посмотрела, кто звонит.

Чэн Чжаньси сделала знак своему спутнику и, под его насмешливым взглядом, отошла в тихое место, мягко спросив:

— Что вдруг решила позвонить?

Чэн Чжаньси на самом деле не любила делиться своей жизнью в социальных сетях, но Юй Цинтан была слишком замкнутой, никогда не спрашивала, чем она занимается, поэтому ей

пришлось самой рассказывать.

В отношениях кто-то должен идти на уступки.

Юй Цинтан не реагировала, но частые посты Чэн Чжаньси в последнее время удивили ее друзей, которые начали говорить, что прилетят в Италию, чтобы навестить ее, и шутили, что она, наверное, влюбилась, требуя срочно включить камеру и показать фотографию. После этого Чэн Чжаньси ограничила доступ к постам только для одного человека.

В последний день во Флоренции она наконец получила звонок от Юй Цинтан, и накопившаяся за эти дни тоска внезапно вырвалась наружу, заставляя ее мечтать о крыльях, чтобы мгновенно вернуться к ней.

Не дожидаясь ответа, Чэн Чжаньси поспешно сказала:

— Я возвращаюсь завтра, возможно, не успею на открытие, но приеду днем. Я зайду в школу.

Юй Цинтан тихо произнесла:

— Хм.

Чэн Чжаньси слушала ее дыхание, сердце билось все быстрее, горло пересохло. Она прочистила голос и спросила:

— Кстати, ты звонила, чтобы...

Она надеялась, что Юй Цинтан скажет что-то приятное, чтобы утешить ее тоску.

Юй Цинтан:

— Уже ничего.

Чэн Чжаньси:

— Просто хотела узнать, когда я вернусь?

Юй Цинтан слегка прикусила губу:

— ...Хм.

Чэн Чжаньси не смогла сдержать улыбки, глаза ее засияли.

Здесь даже не нужно было округлять, она просто скучала.

Чэн Чжаньси находилась в небольшой галерее, вдалеке виднелись церковь и колокольня, за окном проходили люди разных национальностей. Она тихо пообещала в трубку:

— Завтра я обязательно буду.

Чэн Чжаньси спросила об учениках, и Юй Цинтан поговорила с ней еще пару минут. Когда разговор закончился, Юй Цинтан так и не поняла, почему не сказала:

«Этот звонок на самом деле был по просьбе учеников».

Юй Цинтан забыла, что стоит у доски, и смотрела на телефон, который вернулся на главный

экран после завершения звонка.

Она разговаривала с Чэн Мо, спустя две недели. Чэн Чжаньси долго не была рядом, и ее голос в трубке звучал непривычно — спокойно, зрело, мягко, с легкой хрипотцой, придающей ему особую притягательность.

Ее голос вызывал образ прекрасной женщины, одетой в длинное платье, прогуливающейся по улицам с готической архитектурой. Голубое небо, белые облака, красные купола церквей, статуи на площади, колеса повозок, скользящие по каменным плитам, старые стены, хранящие историю, — все это становилось фоном для нее.

— Учитель Юй?

— Учитель?

В ушах Юй Цинтан раздался далекий голос, и ей потребовалось несколько секунд, чтобы вернуться в реальность.

В классе сидели ученики, смотрящие на нее с недоумением.

Тун Фэйфэй:

— Что сказала учитель Чэн?

Юй Цинтан сжала тонкие пальцы, держащие телефон, и спокойно убрала его в карман плаща.

— Она приедет завтра днем, сказала, чтобы вы хорошо выступали, и спросила, репетировали ли вы танец. Я ответила, что да.

Тун Фэйфэй облегченно вздохнула:

— Учитель, вы так задумались, я подумала, что что-то случилось.

Юй Цинтан смущенно хотела облизать губы, но сдержалась, спокойно сказав:

— Ничего.

Она повернулась к классу:

— Можете идти домой, последние, кто уйдет, закройте дверь.

Ученики хотели уйти, но, не решаясь сделать это в присутствии классного руководителя, собирались неспешно. Некоторые уже давно сложили портфели, но все еще сидели за партами. Лянь Ябин положила портфель на стол, уткнулась лицом в руки, покраснев от возбуждения, а соседка смотрела на нее с недоумением.

Юй Цинтан вышла из класса, и Ли Лань поднялась к доске.

— Спортсмены, остаются, продолжим репетицию.

После уборки оставшиеся передвинули парты и стулья к стенам, освободив середину. Ли Лань закрыла шторы и двери, включила музыку, и началась репетиция танца.

Для парада спортсменов не обязательно было носить школьную форму, поэтому Ли Лань

заказала костюмы для выступления: белые рубашки с галстуками и черные брюки для всех, независимо от пола. Сейчас была осень, погода прохладная, поэтому костюмы можно было спрятать под школьной формой и снять перед парадом.

Вечером Ли Лань обсудила с культурным организатором текст для школьного радио, в группе старост выбрала девиз класса и напомнила старосте по бытовым вопросам подготовить всё необходимое. Всё было организовано четко.

В дверь постучали.

Ли Лань, сидя за столом, не поднимая головы, сказала:

— Войдите.

Мама Ли Лань вошла с чашкой молока, поставила ее рядом и заглянула в тетрадь, тихо прочитав:

— «Молодые, мы уверены в себе, на арене борьбы мы сияем...»

[Чэн Чжаньси]: Я стала «белой луной»?

[Автор]: Учитель Чэн вернется в следующей главе, и их отношения войдут в довольно странную фазу романтической неопределенности, ха-ха-ха.

[Автор]: Спасибо за терпение, в этой главе разыграем 66 красных конвертов.

<http://bllate.org/book/16859/1552781>